
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 168.522 1302

DOI: 10.31249/hoc/2023.01.01

*Левит С.Я.**

ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИГИЛИЗМА И ПУТЕЙ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье происходит диалог выдающихся мыслителей Р. Гвардини, С. Кьеркегора, К. Лёвита, Ф. Ницше по проблемам философии культуры и философии истории. Освещаются такие проблемы как кризис европейской культуры, истоки исторического сознания Запада и готовность западного человека к принятию радикальных нигилистических учений, философское и теологическое преодоление нигилизма; исследуется отношение человека к миру и собственному существованию, рассматриваются различные концепции человека, его ответственности перед собой и обществом.

Ключевые слова: европейская культура; христианство; христианская мораль; христианские ценности; кризис культуры; секуляризация; деморализация; биологизация; расизм; нигилизм; добро и зло; жизнь; существование; философия жизни; теология существования; природа человека; образ человека; сверхчеловек; вечное возвращение.

Поступила: 15.07.2022

Принята к печати: 30.07.2022

* *Левит Светлана Яковлевна* – кандидат философских наук, культуролог, ученое звание – старший научный сотрудник по специальности теория и история культуры, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: levit44@mail.ru

Levit Svetlana Yakovlevna – PhD in Philosophy, culturologist, academic title – senior researcher in the specialty theory and history of culture, leading scientific employee of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: levit44@mail.ru

Levit S. Ya.

**Philosophical and theological interpretations of nihilism
and ways to overcome it**

Abstract. In the article there is a dialogue of outstanding thinkers R. Guardini, S. Kierkegaard, K. Levit, F. Nietzsche devoted to the problems of philosophy of culture and philosophy of history. Such problems as the crisis of European culture, the origins of the historical consciousness of the West and the readiness of the Western man to accept radical nihilistic teachings, philosophical and theological overcoming of nihilism are highlighted; the attitude of man to the world and his own existence are investigated, various concepts of man, his responsibility to himself and society are considered.

Keywords: European culture; christianity; Christian morality; Christian values; cultural crisis; secularization; demoralization; biologization; racism; nihilism; good and evil; life; existence; philosophy of life; theology of existence; human nature; human image; superman; eternal return.

Received: 15.07.2022

Accepted: 30.07.2022

Для цитирования: Левит С.Я. Философские и теологические интерпретации нигилизма и путей его преодоления // Вестник культурологии. – 2023. – № 1(104). – С. 9–24. DOI: 10.31249/hoc/2023.01.01

Тема кризиса европейской культуры, смертельной опасности, угрожающей бытию человека, пронизывает работы немецкого католического философа и теолога Романо Гвардини (1885–1968) и немецкого философа Карла Лёвита (1897–1973). Время, в которое заброшены эти философы, стимулировало размышления о смысле новой культурной эпохи, приходящей на смену европейскому модерну после двух мировых войн, о духе современности, о культуре, о метафизической бездомности современного человека внутри мира.

Романо Гвардини причины глобального кризиса усматривает в том, что начиная с эпохи Возрождения Европа секуляризуется, отказываясь от христианских святынь, на месте которых возникает культ «естественного», культ «творчества» и культ свободной личности – гуманизм; из-под этих ценностей в Новое время был убран фундамент, на котором они держались, – вера в Христа, а ведь западная

культура и европейский человек были созданы христианством. Образ европейского человека «держится воздействием искупительного подвига Христа, который освобождает человека от насильственной природы и дает ему такую независимость от нее и от себя самого, какой тот никогда бы не достиг на пути одного лишь естественного развития, ибо основание этой независимости – суверенитет Бога по отношению к миру. Тот же суверенитет делает возможным и такой взгляд на этот мир, такое интимное к нему отношение и такое господство над ним, какие тоже не достигаются никаким иным способом» [Гвардини, 2022, с. 459]. И христианство вовсе не удерживает человека в пассивной покорности, как полагал Ницше, а наоборот, только на почве личной независимости, дарованной человеку Христом, стали возможны грандиозные свершения современной науки и техники, интенсивность исторического сознания, отличающая западную культуру. Образ бытия для человека-христианина, обладающего особым *чувством ответственности*, определен «той неповторимостью решений и поступков, о которых говорит христианство и которая запечатлевает собой не только время, но через него и вечность» [Гвардини, 2022, с. 460]. Гвардини соглашается с Кьеркегором, считавшим, что античный мир при всей его гениальности был наивен и что именно с христианством связано настоящее «совершеннолетие личности». Благодаря Христу Запад стал тем, что он есть, но магистральные пути хозяйственного, политического, научного и культурного развития Европы уклонились от Христова духа, вступили с ним в противоречие. «Но если Европа “освобождается” от Христа, она тотчас же прекратит свое существование» [Гвардини, 2022, с. 461].

В свете этого утверждения особый смысл обретают события, происходившие в Германии, когда в 1933 г. власть оказалась в руках людей, убежденных в том, что все вопросы – политического, духовного, национального, религиозного характера – имеют окончательное решение, которое принадлежит государству: «Ничего вопреки государству, ничего вне государства, все для государства и через государство» [там же]. Отсюда следовало, что государство имеет абсолютную власть над жизнью народа, все проявления его жизни были строго регламентированы, не допускалась самостоятельность мнений, независимых начинаний в сфере мысли и практической деятельности, планирование охватывало не только социальные процессы, но и живую

человеческую сущность. Такое порабощение человека – существа, определяемого духом, становится возможным при господстве идеологии, истоки которой в данном случае определялись измышлениями об особой роли расы, крови, *биологического начала* в человеке. Представления о доминирующей роли биологического начала пропитали собой не только антропологию, но и учения о культуре, государстве и религии, оказали огромное воздействие на общественное мировоззрение.

В Германии вся сфера мысли биологизировалась, идеи расовой доктрины вколачивались в мозги с официальных трибун, через печать; на них основывалось воспитание молодежи, формирование мировоззрения. Человек превращался в марионетку, объект манипуляции, вытеснялся в анонимную область природного бытия. Эту тенденцию выразила *идея культивирования* – задачей государства являлось наблюдение за тем, чтобы данный индивид все более соответствовал образу, задаваемому государством, официальной нацистской идеологией и педагогикой. «По мере торжества новой идеологии христианская идея вечной ценности личностного начала и сокровенный опыт личного с Богом общения теряли всякое значение: утвердилась иная религиозная доктрина, центральной мыслью которой было единство родового и национального» [Гвардини, 2022, с. 465]. Провозвестником и воплостителем этих идей, «божьем посланцем», «спасителем», стал Адольф Гитлер. Подобно мифическому герою, он излучал энергию «счастья», ему приписывались успехи начальных лет мирного, а затем военного периода, которые воспринимались как знаки его божественного избранничества; а также ему приписывалось то, что в сознании верующих ассоциировалось лишь с Христом. Роль Искупителя взял на себя очередной «спаситель» века сего. Этот миф упразднял Христа, стирал память об идеальном образе христианской Европы, вновь порабощал человека, подчинял его силам, воцарившимся в Германии.

Гвардини воспринимал это как конец Европы. На вопрос, что такое Европа, он отвечал следующим образом: это не только географический комплекс, не только конгломерат народов, но «живая энтелехия, живой духовный лик», раскрывающийся в истории, насчитывающей более четырех тысячелетий; она определяет характер мышления, общий строй чувств и переживаний, жизненный уклад, образ жизни, способ бытия. И вот эта Европа восстала против своей сущно-

сти, изменила собственной душе, породила повсеместное разрушение городов, одичание языка, колоссальное истощение материальных, физических и духовных ресурсов. «Германия должна осознать свою ответственность за все происшедшее. Ответственность эта так тяжела, что можно *усомниться* в праве немцев судить о европейских делах» [Гвардини, 2022, с. 470]. И, заключает Гвардини, либо Европа будет христианской, либо ее не будет вовсе. «Тем, что есть, она стала лишь потому, что над сокровенной жизнью сердца и утонченной телесной красотой европейского человека почти два тысячелетия трудился (и продолжает трудиться) Христос» [там же, с. 471].

Сущность и образ Христа освободили сердце европейца, дали ему способность жить в истории. Христос избавил европейца от подчинения стихиям и миру, поставил лицом к лицу с личным Богом, ввел в свободу Искупления. «То было сокровенное *agche*, экзистенциальное начало» [там же, с. 471]. И все это «новый мир» нацистов стремился истребить, уничтожить все «европейское» и распорядиться безликой массой по своему усмотрению. «Если Европе суждено еще жить, если миру и впредь на роду написано нуждаться в ней, она должна сохранить историческое величие, сообщенное ей Ликом Христовым... не только сохранить величие, но и заново состояться со всей серьезностью, к которой обязывает жизнь Христа» [там же, с. 472].

Европе, полагает Гвардини, следует взглянуть в себя, осмыслить свое предназначение и осознать свою особую ответственность за все происшедшее.

Другой немецкий философ, К. Лёвит, осмысливая современные ему исторические процессы, полагает, что несмотря на радикальные перемены и трансформации и даже, скорее, благодаря им исторический процесс продолжается. Катастрофы являются не окончательными и абсолютными, а имеют временный и относительный характер: за разрушением следуют восстановления, за массовыми убийствами – демографический рост. И хотя это *циничная истина*, но тем не менее, отмечает К. Лёвит, это истина. И такое отношение к катастрофам определяет, по его мнению, вера в историческую непрерывность, в то, что никакие, самые чудовищные, катастрофы не прервут *процесс цивилизации* – «процесс присвоения мира человеком посредством *созидательных разрушений*» [Лёвит, 2021, с. 421].

И если дух Европы угасает, то, полагает К. Лёвит, западная активность, инициированная *христианской культурой*, не ослабевает, европейская цивилизация развивается и завоевывает мир. Европейцы совершили открытия в старом восточном и новом западном мире, с мессианским рвением они распространяли свою цивилизацию, учили народы модернизации, открыли обе Америки, основали Британскую империю, взрастили идею прогресса. Вся история Запада в какой-то степени является христианской, но «она расходится с христианством в самом *способе* применения христианских принципов к секулярным вещам» [Лёвит, 2021, с. 414]. С точки зрения К. Лёвита, вера в сотворенность по *образу Бога-творца*, христианское требование нести Евангелие всем народам во имя спасения превратились в секулярную мысль, что мы должны сделать этот мир лучшим из миров «по *образу человека*» и спасти нераскаявшиеся народы посредством вестернизации и перевоспитания. В истории имеются не только «цветы зла», но также зло, которое есть продукт слишком рьяной доброй воли и *ложного христианства*, затушевывающего основополагающее различие между событиями, относящимися к избавлению, и событиями профанными, «между Heilsgeschehen и Weltgeschiclte» [там же, с. 415].

Карл Лёвит прослеживает путь становления современного понятия истории и соответствующего ему опыта времени, стремится прояснить, каким образом и в каких аспектах секулярная философия истории наследует и оспаривает свои христианские истоки; исследует историческое сознание Запада, не решившего, быть ли ему *христианским* или *языческим*, и устраняющего из своей прогрессивистской перспективы «христианское полагание творения и свершения», включающего в себя «присущую античному мировоззрению идею бесконечного непрерывного движения за вычетом его круговой структуры» [Лёвит, 2021, с. 422].

Особое внимание К. Лёвит концентрирует на исследовании готовности западного человека к принятию радикальных нигилистических учений. В статье «Кьеркегор и Ницше, или Философское и теологическое преодоление нигилизма» [Лёвит, 2022] К. Лёвит анализирует воззрения этих выдающихся мыслителей – интерпретаторов жизни и существования, осмысление ими проблемы нигилизма и различные интерпретации путей его преодоления.

Проблема нигилизма, полагает К. Лёвит, занимает центральное положение в философии жизни Ницше и в кьеркегоровской философской теологии существования. Согласно Ницше, нигилизм возник из сложившегося христианства и его гибели в обессилевшей морали; «Бог умер», нужно принести Его в жертву и боготворить Ничто. Ницше протестовал против угасания *воли к жизни* и придавал нигилизму активный импульс «переоценки всех ценностей», рассматривал нигилизм, «этот самый жуткий из всех гостей», как кризис роста на пути преодоления безжизненной христианской морали и религии, как освобождение от иллюзий гуманизма в процессе становления сверхчеловека, стоящего «по ту сторону добра и зла». И посредством деструкции христианской морали он стремится восстановить естественный, «основной текст человеческого существования».

Кьеркегор же, напротив, настаивал на неестественности человеческого существования [Existenz], полагал, что «подлинник» «гуманных условий существования» по-прежнему остается *христианским*. В противоположность Ницше, Кьеркегор хотел принести в жертву Богу то самое Ничто, которому Ницше пожертвовал Бога, и через отважный прыжок в веру он ставил человека «перед Богом», с помощью христианства стремился преодолеть нигилизм.

Таким образом, если для Кьеркегора нигилизм человеческого существования основывался на том, что отчаявшийся человек, предоставленный самому себе, еще не решился на прыжок в веру и без Бога он есть то, что он есть, то для Ницше нигилизм основывался на том, что современный человек все еще не преодолел христианско-моральную традицию, не освободился от Бога.

Из этих противоположных взглядов на христианство, как полагает К. Лёвит, возникает различие представлений Ницше и Кьеркегора о нигилизме и путях его преодоления. Мир, в котором существовали Кьеркегор и Ницше, в обоих случаях определялся политикой: в 1840 г. – радикальным началом социального движения, в 1870 г. – созданием Бисмарком рейха.

Эпоха, в которую жил Кьеркегор, находилась в состоянии тотального распада; в 1840 г. начал разваливаться мир существующих социальных и политических отношений. Перед лицом крушения «всеобщего бытия», деморализации Европы, в противовес этой распадающейся всеобщности ставшего недействительным мира Кьеркегор воз-

вращается к своему сокровенному внутреннему самобытию, создает «нигилистическое экзистенциальное понятие “отдельного” как контрпонятие ко всякой человеческой всеобщности, в противопоставлении “человечеству”, “толпе”, “поколению” – вообще ходу всемирной истории» [Лёвит, 2022, с. 391]. Именно «отдельному» он приписывал всеобщее значение. Его участие в общей судьбе своего времени, благодаря отказу от действий, заключалось «в невольном участии, а его связь со временем – в обособлении от него» [там же].

К. Лёвит приводит удачную аллегорию Кьеркегора, сравнивающего свое время с плывущим кораблем, а себя с пассажиром, который, хотя и плывет вместе с современниками, но имеет изолированную каюту, из которой он критически взирает на свое время и на самого себя. Характеризуя время из замкнутого убежища своего уединенного существования, из своего «рыцарского замка», Кьеркегор рассматривает реформы, которых требовала эпоха, как противоположные ее реальным запросам, а именно: радикальному уединению вовнутрь, в глубину своего сокровенного существования. «Отдельность, это формальное условие экзистенциальности (Existenzialitaet), имеет совершенно отчетливое (хотя и замаскированное посредством отрицания) отношение к общественной жизни, которая, согласно Кьеркегору, везде в Европе шла навстречу полному банкротству. Из этого *мирового банкротства* Кьеркегор пытался извлечь религиозную пользу» [там же, с. 392].

Выдвигая нигилистическое экзистенциальное понятие «отдельного», Кьеркегор доводит до крайности уже обозначенный разрыв всех общественных связей и побуждает человека «сплотиться в себе самом», сначала перед Ничто, а затем перед Богом.

Комментируя эту позицию Кьеркегора, К. Лёвит отмечает, что Кьеркегор не остановился на антиполитическом значении «отдельного», так как он стремился обосновать *христианское существование*. Движение мира в сторону социальной нивелировки, по убеждению Кьеркегора, вело «к абсолютному выдвиганию “отдельного”, который как раз и есть принцип христианства» [там же].

Христос, который за истину принес себя в жертву «толпе», был для него крайней степенью «отдельного». И он полагал, что всякий должен стать господином самому себе, пройдя через «перевал» христианского уединения. Из своей христианской уединенной позиции

Кьеркегор делал политические выводы: подлинное управление миром осуществляется не министерствами, а Богом, который правит через «мучеников», побеждающих благодаря тому, что пожертвовали собой за истину. «Будучи уединенным “отдельным”, он держался за “ничто”, и это “ничто” стало для него исходным пунктом его “революционного движения”, которое заканчивалось блестящим нападением на секуляризованное христианство» [Лёвит, 2022, с. 394].

В сочинении «Понятие Иронии» Кьеркегор яснее всего представляет внутрочеловеческое устройство существования, определенного посредством политического и христианского уединения. Понятие иронии конкретизирует его предпонятие «отдельного». Ирония для него – это позиция «негативной свободы», «субстанциальной негативности». Подлинно ироничный человек, согласно Кьеркегору, возвышается над всем существующим, относится к существующему миру, опираясь на иронические оговорки. «Это негативно-свободное существование иронического субъекта есть по своей сути *частное* (private) существование, а относительно общественной, всеобщей жизни – *отдельное* (privative)» [там же, с. 394–395]. Но в этой негативности и частности у иронического субъекта есть свой абсолют – «Ничто».

Основой человеческого существования Кьеркегор делает «иронию» и «совесть», радикализует нерешительный «эстетический» или «поэтический» нигилизм романтизма до степени «экзистенциального нигилизма отчаяния в бытии-в-мире вообще» [там же, с. 395]. Романтическая субъективность для него становится преддверием подлинного отчаяния, а через нигилизм отчаяния обретается путь к вере, а также раскрывается *теологический смысл* нигилизма, возникшего из конкретных экзистенциальных конструкций – иронии, скуки, тоски, страха, отчаяния, раскрывающих воедино с Ничто возможность подлинной экзистенции.

И если Кьеркегор, борясь со временем великого внутреннего распада, пытался восстановить вечную истину христианства, то Ницше размышлял о возможности не повторить уже бывшее, «сделать реальным доселе невозможное, после чего реальное христианство в нашем мирском мире стало маловероятным» [там же, с. 406].

Христианский смысл нигилизма Ницше воспринимает как неудачное самоосмысление. Он считает, что все понятия, с помощью

которых христианизированный человек осмысливает свое существование, основаны на отрицании *истинной* природы человека. Переоценка пришедших в упадок, обесцененных христианско-моральных ценностей выполняется у Ницше в ориентации на «здоровые», «естественные» ценности, которые присущи исконной природе человеческого существования.

Оестественление человека и его *морали* является ницшевской формулой для новой оценки ценностей. «Естественная “аморальность” в общем отношении человека к миру и собственному существованию – вот цель его возвращения к “природе”, цель его стремления к “натурализации”», – заявляет К. Лёвит [Лёвит, 2022, с. 401]. Ницше предпринимает попытку философствовать по ту сторону смысла и бессмысленности, по ту сторону добра и зла, «принимает существование как таковое, в целостности сущего» [там же, с. 396].

Комментируя размышления Ницше, К. Лёвит отмечает, что он не только сомневается в том, что существование имеет так называемый смысл, но и в качестве источника наступавшего нигилизма открывает вековые искания и вместе с тем невозможность найти какую-нибудь цель или смысл. Мерилом достигнутой подлинности было для него следующее: как долго можно бессмысленно жить в мире, лишенном смысла. Ницше стремится открыть *новый способ существования* на основе европейского нигилизма, означающего, что все наши прежние ценности обесценены, утратили смысл. В качестве глубинной причины нигилизма он рассматривает утраченную веру в христианские ценности, все еще тщетно оберегаемые, несмотря на их упадок, и делает вывод о переоценке христианско-моральных ценностей, распространение которых обязано «ужасной болезни воли», ослаблению господства человека над собой.

Современный человек представляется Ницше исчадием лживости, называющим себя христианином несмотря на утрату того, что когда-то называлось «истиной» – христианской истиной, христианской верой. К. Лёвит передает нам логику размышлений Ницше: «Больше уже не верят в христианское “потустороннее”, однако сохраняют его в форме мировой эсхатологии. Отрицают христианское самоотречение, но и не утверждают естественного самоутверждения. Больше не верят в “христианский брак” и в “христианское государство”, что однако не

мешает окружать рождение, свадьбу и смерть христианской обрядностью» [Лёвит, 2022, с. 399].

Ставя под вопрос прежние ценности и «моральность гуманной морали», Ницше расчищает путь для преодоления нигилизма. Хотя лишенный веры нигилизм и является нашим современным состоянием, отмечает К. Лёвит, но «исторически он лишь промежуточное состояние между утраченной верой в обессилевшую мораль и будущим состоянием по ту сторону *всякой* морали» [там же, с. 401]. Отвергнутые прежде стороны существования Ницше воспринимает не просто как необходимые, а как более плодотворные и *истинные* стороны существования. Он одобряет равнодушный мир сущего «по ту сторону добра и зла» – мир как некое море бушующих сил, вечно меняющееся и вечно возвращающееся, некий дионисийский мир вечного самопорождения и нового саморазрушения.

Свое учение о вечном возвращении Ницше провозглашает в книге «Веселая наука» (1881–1882) [Ницше, 1990 а]. Это учение он назвал «величайшей тяжестью» и связал его с окончательным провозглашением «смерти Бога»: «сверхчувственный мир идеалов умирает, но творческое начало – прерогатива библейского Бога – переходит в человеческую деятельность» [Патрушев, 2007, с. 52].

В книге «Так говорил Заратустра» (1883–1884) [Ницше, 1990 б] вечное возвращение является главной мотивирующей силой, метафизической истиной. «Заратустра» претендует на раскрытие «проекта нового способа жить», «высшего рода бытия». Ницше полагает, что человечество превзойдет самого себя, перейдет в высшее качество – появится сверхчеловек как результат духовного совершенствования, олицетворение новых моральных идеалов, нравственный образ, означающий высшую степень духовного развития человечества.

Духовное совершеннолетие человека сопровождается «неким кризисным переживанием в самом эпицентре его Я» [Свасьян, 1990, с. 23]. У человека, сформированного мощным аппаратом общественных норм, ценностей, возникает ощущение личной несвободы, рождается протест против всего общеобязательного, общезначимого, неиндивидуального и желание самолично определять «меру и качество собственной ценностной галактики» [там же].

Философия Ф. Ницше, полагает К.А. Свасьян, – «это уникальный и всей жизнью осуществленный эксперимент саморазрушения “твари”

в человеке для самосозидания в нем “творца”, названного “сверхчеловеком”» [Свасьян, 1990, с. 25], сделавшим выбор в пользу свободы: свободы от морали, но и свободы *для* морали – морали индивидуума, свободного от общезначимых императивов и открывшего самого себя¹.

В «ницшевской безбожной философии» К. Лёвит отмечает преобладание особого акцента на идее воления, творчества, творения волей, подобно тому, как творил Бог Ветхого Завета, превращение христианского «Ты должен» в нововременное «Я хочу». Но, по словам К. Лёвита, как человеку Нового времени, оторванному от подлинной «верности земле» и лишённому чувства защищенности «под колоколом небес», Ницше не удалось превратить «я хочу» в «я есть»; и его попытка «перевести человека обратно на язык природы» потерпела неизбежно поражение [Лёвит, 2021, с. 448–449]. Теорию вечного возвращения Ницше К. Лёвит рассматривает в качестве практического орудия, с помощью которого в сознание человека вбивают «идею абсолютной ответственности», которую ставят на место чувства ответственности, которое было ему присуще пока он жил в присутствии Бога и ожидании Страшного суда.

В нигилизме, означающем, что все прежние ценности *утратили смысл*, завершается гибель морального мироистолкования, и, как предсказывал Ницше, в ближайшие столетия в Европе осуществится *гибель морали как таковой* и это будет, согласно Ницше, «величайший спектакль», акты которого мы сейчас и наблюдаем.

Этот самый спорный спектакль Ницше рассматривал как многообещающий, поскольку надеялся, что на основе деструктивных процессов возникнет такое состояние умов, которое не будет утверждать в существовании одно, отрицая другое, а примет существование в целостности как таковое, по ту сторону всех многообразных различий и противоречий.

К.А. Свасьян полагает, что Ницше – этому сейсмографически чуткому провидцу – удалось предвидеть в наступающем XX в. «восходящий нигилизм», «эпоху чудовищных войн, крушений, взрывов», начинающуюся эпоху варварства, «мелочности духа, идущей из Ан-

¹ Как полагает Свасьян, в философии Ницше услышали только: «...мы должны освободиться от морали», но не услышали продолжение: «...чтобы суметь морально жить», открыть самих себя.

глии» и представляющей великую опасность для мира. Ницше предвидел возникновение тиранических режимов как порождение демократических систем, попытки выращивания новой расы господ, создание чудовищной массовой культуры, распад европейской духовности.

Многие темы, поднятые им, будут подхвачены и развиты выдающимися философами XX в. – Гуссерлем, Шелером, Шпенглером, Камю, Хайдеггером, Ортегой-и-Гассетом, Ясперсом.

А его мысли о необходимости «сращения немецкой и славянской расы», сближения с Россией и создания новой общей программы развития, не допускающей в России господства английских трафаретов, в многообразных интерпретациях звучат в современных дискуссиях.

Мирозерцание этого оболганного, табуированного, пораженного в культурных правах «философа неприятных истин» (так Ницше сам называл себя) по-прежнему привлекает внимание исследователей, находится в центре их обсуждений. Хотя и по сей день в сознании средних европейцев Ницше, по словам Свасьяна, «пребудет таким моральным пугалом, от которого впопугу уберечь юные души» [Свасьян, 1990, с. 22].

В своем анализе философии Ницше, попавшего в ряд «предтеч» национал-социализма, Свасьян стремится донести до нас глубочайшие интенции его учения, воссоздать основные положения его философии, которую К. Лёвит определил как большую «прелюдию к философии будущего»¹ [Лёвит, 2021, с. 447].

Анализируя философские взгляды Ф. Ницше, К.А. Свасьян привлекает соответствующие свидетельства-высказывания по трем позициям, характеризующим нацистскую идеологию: пангерманизм, антисемитизм, славянофобия. И приходит к выводу, что крайне негативные характеристики, данные Ницше немцам, их языку, культуре, немецкому духу, конечно, не имеют никакого отношения к пангерманизму. Антисемитизм также не имеет какой-либо опоры в размышлениях Ницше, считавшего, что «евреи, без сомнения, самая сильная, самая цепкая раса в Европе» и «мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет на будущее, будет считаться с евреями – и с русскими, – как с наиболее надежны-

¹ Это подзаголовок работы Ницше «По ту сторону добра и зла».

ми и вероятными факторами в великой игре и борьбе сил» [цит. по: Свасьян, 1990, с. 45–46]. Что же касается славянофобии как одной из характеристик национал-социализма, то, напоминает Свасьян, Ницше, на которого публицисты возложили вину за эту идеологию, подчеркивал преимущества своего *польского* происхождения и говорил о более высокой одаренности славян по сравнению с немцами, которые вошли в ряд одаренных наций лишь благодаря сильной примеси славянской крови.

Кривотолки и недоразумения, связанные с именем Ницше, коренятся, по мнению Свасьяна, в том, что он обладал душой самого широкого диапазона – всю европейскую историю отождествил с личной биографией; он был «артист языка», находивший слова, «разрывающие сердце Богу», и – коварнейший парадокс! – почти никогда не находивший слов, смогших бы раз и навсегда пресечь лавину будущих кривотолков в связи с собственным добрым именем и глубочайшими интенциями своего учения» [Свасьян, 1990, с. 22].

До сих пор широко распространено искаженное представление о Ницше как об аморальном певце жестокости и насилия, существующем по ту сторону добра и зла. Между тем, отмечает А.И. Патрушев, Ницше ко всему, вплоть до самого бытия, подходил с моральной меркой; его критика морали «подводила человечество к моменту высшего самосознания, к той новой морали, которая так высоко возносится над общепринятой, что может показаться аморальностью» [Патрушев, 2007, с. 53]. Он был против морального принуждения, против традиционной морали, в основе которой лежала принудительность моральных норм и правил, а не превращение моральных установок в индивидуальные потребности, внутренние побуждения к действию. «Он отвергал такое христианство, которое отрицает свободу духа, самостоятельность и ответственность человека, превращает несвободу в идеал, а смирение – в добродетель» [там же]. Ницше поставил перед человеком труднейшую дилемму: мораль или свобода. И его выбор был в пользу свободы, «но не свободы от морали, а свободы *для морали*, новой и истинно свободной» [там же]. Ницше, призывавший к бегству в царство свободы интеллекта, с особой силой почувствовал угрозы грядущего века – рождение тоталитарных режимов XX столетия, начало борьбы за господство над всем земным шаром.

* * *

Диалог идей выдающихся исследователей прошлого по важнейшим проблемам существования человека не утратил своего значения. В их полемике, перекличке идей обнажаются проблемы, над решением которых размышляют многие современные исследователи. Знакомство с их идеями, поисками ответов на сложнейшие вопросы бытия позволяет глубже осмыслить процессы современного общества.

Список литературы

Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике : богословско-политические раздумья // Звучащие смыслы : диалог с миром : культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 437–474.

Лёвит К. Кьеркегор и Ницше, или Философское и теологическое преодоление нигилизма // Звучащие смыслы : диалог с миром : культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 387–407.

Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. А. Саркисянца. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 512 с.

Ницше Ф. Веселая наука // *Ницше Ф.* Соч. в двух томах. – Москва : Мысль, 1990а. – Т. 1. – С. 491–719.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Соч. в двух томах. – Москва : Мысль, 1990б. – Т. 2. – С. 5–237.

Патрушев А.И. Ницше // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. / главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – Москва : РОССПЭН, 2007. – Т. 2. – С. 51–54.

Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // *Ницше Ф.* Соч. в двух томах. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 5–46.

References

Gvardini, R. Spasitel' v mife, otkrovenii i politike: bogoslovsko-politicheskie razdum'ya [The Savior in Myth, Revelation and Politics: Theological and Political Reflections]. In *Zvuchashchie smysly : dialog s mirom. Kul'turologicheskij al'manah* / отв. red. i sost. S. Ya. Levit [Sounding meanings: dialogue with the world. Cultural Almanac / ed. and comp. S. Ya. Levit]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022, pp. 437–474. (In Russ.)

Lyovit, K. K'erkegor i Nicshe, ili Filosofskoe i teologicheskoe preodolenie nigilizma [Kierkegaard and Nietzsche, or the Philosophical and Theological Overcoming of Nihilism]. In *Zvuchashchie smysly : dialog s mirom. Kul'turologicheskij al'manah* / отв. red. i sost. S. Ya. Levit [[Sounding meanings: dialogue with the world. Cultural Almanac / ed. and

comp. S. Ya. Levit]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2022, pp. 387–407. (In Russ.)

Lyovit, K. *Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii* / per. A. Sarkis'yanca [The meaning of the story. Theological prerequisites of the philosophy of history / per. A. Sarkis'yants]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021. 512 p. (In Russ.)

Nietzsche, F. *Veselaya nauka* [Fun Science]. In Nicshe F. *Soch. v dvuh tomah* [Nietzsche F. Op. in two volumes]. Moscow Mysl', Vol. 1, 1990 a, pp. 491–719. (In Russ.)

Nietzsche, F. *Tak govoril Zaratustra* [Such Spoke Zarathustra]. In *Soch. v dvuh tomah* [Nietzsche F. Op. in two volumes]. Moscow Mysl', Vol. 2, 1990 b, pp. 5–237. (In Russ.)

Patrushev, A.I. Nicshe [Nietzsche]. In *Kul'turologiya. Enciklopediya : v 2 t.* / glavnyj redaktor i avtor proekta S. Ya. Levit [Culturology. Encyclopedia : in 2 volumes / editor-in-chief and author of the project S. Ya. Levit]. Moscow, ROSSPEN, Vol. 2, 2007, pp. 51–54. (In Russ.)

Svas'yan, K.A. Fridrih Nicshe: muchenik poznaniya [Friedrich Nietzsche: The Martyr of Knowledge]. In Nicshe F. *Soch. v dvuh tomah* [[Nietzsche F. Op. in two volumes]. Moscow Mysl', Vol. 1, 1990, pp. 5–46. (In Russ.)